

Юрий Башмет: «Я люблю влюбленных людей»

Знаменитый альтист не совсем доволен своей карьерой

Варвара Турова

Он – лучший альтист в мире. Он сделал альт равноправным сольным инструментом. Именно он стал ездить по всему миру с гастрольными сольными альтерными программами. Франция, Япония, Англия, Австрия, легендарный «Карнеги-холл», Большой зал Московской консерватории впервые услышали альт благодаря ему. Ему посвящены произведения Шнитке, Губайдулиной, Пярта, Канчели, Александра Чайковского и многих других. Завтра концертом в Большом зале консерватории Юрий Башмет отметит свое 50-летие.

— Юрий Абрамович, у вас концерт прямо в день рождения. Не обидно вместо веселья на сцене стоять, напрягаться?

— Повеселиться мы успеем и после концерта, но так – гораздо драгоценнее. Я много раз играл, например, 31 декабря, даже надоело. И всегда при этом не

таких-то артистов, сдавших деньги в Госконцерт», или детский садик бы построили, или закупили инструментов в консерваторию, или струн, или построили завод, который бы струны выпускал шикарные. У нас забирали 90 процентов гонораров. Давид Ойстрах в последние годы имел не-

сти Бита, как это тогда называлось. «Битлз» были на закате, появился Джими Хендрикс, джаз-рок, группа «Blood, Sweat & Tears»... А я был представителем именно битловского направления. У меня даже была гитара, точно такая же, как у Харрисона.

Если бы я больше работал, я бы большего добился

вероятный гонорар в Америке – 5000 долларов. По тем временам это очень много, это как сейчас тысяч пятьдесят. 4800 он отдавал, а 200 долларов оставлял себе. Мое первое турне на Западе – в Германии, в 1976 году. Гонорар минимальный – 2000 марок. Я получал 154 марки, остальное привозил и сдавал. Но в конце концов черт с ним, с гонораром, такое было государство, мы жили здесь и были счастливы. И потом такой спектр музыкантов был! С одной стороны, выступал экстравагантный Гидон Кремер, всегда с какими-то новыми программами, с другой

— Откуда?

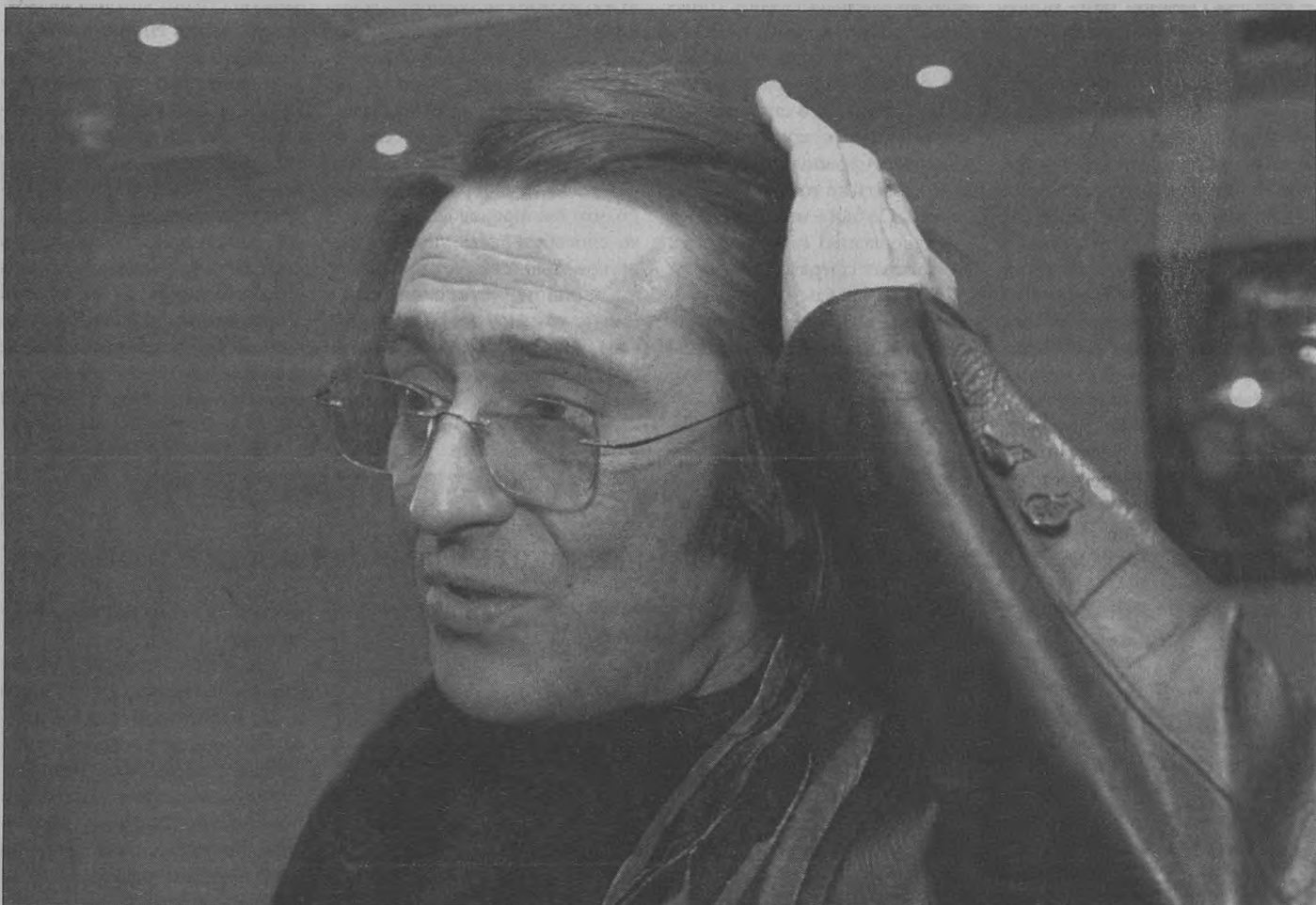
— Группы, которые ездили по Союзу, всегда заезжали во Львов, потому что это был последний крупный город перед границей. И после концертов они часто устраивали джем-сейшны, менялись или просто продавали инструменты. И в какой-то момент приехал какой-то парень. В клубе, где я выступал, он стал играть на электрогитаре. Педаль нажал и поехал. Это, конечно, был абсолютный Хендрикс – в смысле направления. И во мне эта музыка вызвала бурю противоречивых чувств. Я только через не-

ким почерком. Но нужной шпательки не оказалось. Была тема «Ленин в творчестве Горького». А я нашел только «Ленин в творчестве Маяковского». И вот я писал все время: «Вот, Маяковский говорил то, а вот Горький...» И выдумывал, что Горький говорил. Потом за мной уже стали следить, я один оставался в классе, и учительница стала просто тянуть у меня лист с сочинением. А я ей говорю: «Ну пожалуйста. Еще одну минуточку». Она говорит: «Хорошо, но я стою здесь!» И стоит рядом. Тогда я написал последнюю фразу. «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить». Выдохнул, и приписал: «...писал Горький». Получил четверку.

Что касается карьеры, я знаю, что еще очень многое не сделано. Мне ясно, что, если бы я больше работал, я бы большего добился. Все-таки я не до конца реализовываю свои возможности.

— Прокомментируйте, пожалуйста, вашу новую работу – оркестр «Новая Россия».

— Дело в количестве репертуара. И камерный и альтерный репертуар – маленький, не по количеству вообще, а по количеству шедевров. Но замечательная, любимая

Юрий Башмет еще с детства знал, что не будет рядовым оркестрантом.

Фото Натальи Преображенской (НГ-фото)

хватало концерта. Так что это – как допинг или как наркотик...
— Неужели каждый концерт одинаково важен?

— Я не помню, чтобы играл просто так... Всегда волнуюсь. Особенно – в Большом зале консерватории и в «Карнеги».

— Принято говорить, что именно вы сделали альт сольным инструментом, что вы первый и единственный. А вы сами знаете кого-нибудь, кто играет на таком же уровне?

— Нет, не знаю. Знаю некоторых людей, качеству которых я завидую. Например, есть один калека, кстати, мой ученик, Линдеман, у него очень маленький звук, но очень трогательная связь игры с его душевной болью, что ли... Он перенес много операций, но технически оснащен очень здорово. И он фанатично предан музыке, с утра до ночи работает. И этому я тоже завидую.

— А у вас самого возникают какие-нибудь технические проблемы?

— Я просто не ставлю неразрешимых задач. Например, играть на альте капризы Паганини. Сейчас слово «виртуозный» приобрело какое-то негативное значение. И даже часто исполнителя обижают и говорят: «Виртуозно владеет инструментом, но (например)... не хватает глубины». Я как раз считаю, что виртуозность – это связь ремесла со смыслом.

— Вы довольны своей карьерой?

— Не совсем. Нас сильно обокрали – всех советских людей. Обокрали в прямом смысле. И самое ужасное, что мы не знали, куда наши деньги идут. Может быть, в это время конструировалась бомба, которая упала потом в Афганистане и убила наших солдатиков и мирных жителей. А если б спутник запустили и было написано: «Построено на деньги

стороны, шикарно играл на скрипке Вова Сливаков, таким звуком качественным... А потом выходил Витя (Третьяков. – В.Т.) и просто говорил, как надо играть на скрипке. Я уж не говорю об Олеге Кагане...

— Ну вот вы собирались ночами. Играть, дружили... А вы думали о том, что так сложится судьба?

— Всегда. Я с детства представлял себе себя солистом. Мама мне рассказывала, как привела меня на концерт во Львове, куда приехал Иегуди Менухин. Играл концерт Бетховена. Мне было десять лет. Я помню две вещи – ажиотаж и звук. Не помню ни одной фразы, помню звук, который невозможно описать словами. Потом мы вернулись домой, и я сказал маме: «Вот я очень мало занимаюсь, а меня так хвалят в школе, пятерки ставят, а вот если я буду больше заниматься...» Мама очень обрадовалась и сказала: «Если ты будешь больше заниматься, тебя возьмут в хороший оркестр», – на что я ей заявил, что не буду сидеть в оркестре – я буду стоять, с оркестром...
— Не было ли у вас проблем с друзьями из-за ваших амбиций? У вас не было звездной болезни?

— Нет... Я во всем реализовался. Меня очень любили девочки. Я стоял на сцене, играл на гитаре и зарабатывал деньги. Был популярнейшим человеком. То, что было в музыкальной школе, – это для мамы, а здесь было все настоящее – и деньги, и все. Скрипка вообще появилась в моей жизни потому, что мне ее предложила мама, а я не мог ей взять и сказать «нет». Я не представлял себе, какой это был позор для уличного мальчишки – играть на скрипке в музыкальной школе! Здесь очень важно, что происходило в обла-

сколько лет понял, как это гениально. В то время в Киеве проходил конкурс, посвященный столетию Ленина. И меня туда отправили от школы. Пришлось позаниматься. Я тогда стал впервые сознательно заниматься. Стоял и пробовал подобрать на альте интонацию, с которой я звал маму. И минут пятнадцать издавал по две ноты: Ма-Ма. Подобрал сами ноты, нашел интонацию. Закончилось тем, что мама услышала и пришла с кухни. Была огромная победа.

Дальше парадокс. Я приехал на конкурс и оказался единственным альтистом. Сначала меня хотели отправить назад, потом кто-то защитил мальчика, и решили меня слушать со скрипачами вместе. Я набрал самое большое количество баллов. И тогда Олег Васильевич Крыса, который был председателем жюри, сказал: «Это же анекдот будет, что альтист выиграл на конкурсе скрипачей!» И они отменили все премии и всем выдали дипломы с надписью «Переможцеві конкурсу» – «Победителю конкурса». Возникло ощущение: «Ух ты, как здорово! Поехал, победил...» И после этого я гитару забросил... К тому же там была безысходность жанра. Хотя до того моей подружке очень хорошо жилось последние три года школы. Мама запрещала мне работать, и я деньги не мог домой приносить, потому что сразу был бы вопрос: откуда? Поэтому сразу тратили... на всякие сумочки, сапожки...

— Сейчас с ней не общаетесь?

— Нет, но вот недавно виделись. Она живет в Канаде. Все забыла. Вот так. Потом я поступил в консерваторию. Была замечательная история на экзамене по литературе. Я писал сочинение, у меня была масса шпаргалок, причем прекрасного выполнения, мел-

музыка – для симфонического оркестра. Симфонии Брамса, Чайковского, Рахманинова. А что касается уровня оркестра – то он будет меняться, они ж все молодые. Это будет лучший симфонический оркестр в Москве.

— Вы светский человек. Тусовки доставляют вам удовольствие или это все «ради дела»?

— Есть просто люди, которых я очень уважаю и люблю. Например, Иосиф Кобзон. Он сильный человек. Я чувствую, что он меня любит, хорошо относится. А я в этом смысле, как женщина. Меня любят – и я уже не могу плохо относиться. Очень люблю актерскую среду. Среди музыкантов мне труднее общаться. А вообще я люблю влюбленных людей. И сам стараюсь таким быть.
— У журналистов есть несколько вопросов, которые задавать считается чуть ли не дурным тоном. Однако я хотела бы вам их задать. Какой у вас любимый цвет?

— Черный.

— Еда?

— Любая национальная.

— Фильм?

— «Ирония судьбы, или С легким паром!»

— Книга?

— «Три мушкетера».

— Композитор?

— Шуберт.

— Вы знаете какое-нибудь стихотворение наизусть?

— Детства моего светлые глазенки съели вместо устриц алчные бабищи.

— Вы можете назвать себя счастливым человеком?

— В общем, да. Есть моменты, когда это сомнению не подлежит. Кроме того, о чем вы подумали, это, например, когда мы играли премьеру «Стикса» Канчели. И еще я знаю, что счастье может быть несколько. И размер определить невозможно. ■